

ПОРА ЗРЕЛОСТИ, ПОРА МОЛОДОСТИ

Диалог главного режиссера театра Е. Егорова
с журналистом В. Устиновым

В. У. Кишинемскому театру — 75 лет. Это пора зрелости, серьезных итогов и — молодых творческих планов. У коллентива есть прочный фундамент традиций, сочетание опыта и молодого задора. Наверное, Евгений Александрович, говоря о сегодняшнем театре, стоит заглянуть и в его историю, чтобы представить, хотя бы вкратце, этот долгий 75-летний путь?

Е. Е. Наш театр возник на рубеже минувшего и нынешнего веков, в 1898 году. Дебютная пьеса «Бедность не порок», и с этого времени драматургия Островского постоянно в его репертуаре. Мы гордимся, что из Кишешы вышло немало крупных мастеров сцены, среди которых народная артистка СССР Е. А. Корчагина-Александровская. Мы гордимся, что на нашей сцене играли И. М. Москвин, В. Н. Пашенная, Е. Н. Гоголева, почти все представили театральную династию Садовских.

Большая часть пути театра приходится на годы Советской власти, которая так много дала развитию театрального дела. И мы прежде всего — советский театр, проводник социалистической культуры, выразитель эстетики социалистического реализма. Начав с «Разлом», «Любови Яровой», «Оптимистической трагедии», театр постоянно ставит пьесы советских драматургов, отражающие героическую борьбу советского народа в годы Великой Отечественной войны, его созидательный труд в годы строительства социализма и коммунизма. Наш театр всегда

стремился ярко и полно воплощать на сцене образ нашего современника.

В. У. Вы уже пятый год руководите Кишинемским театром. Произошла довольно прочная стабилизация коллентива, он стал работать увереннее и, я бы сказал, основательнее. Ваш зрительный зал, несмотря на его неудобства, наполняется все более и более, привлекаемыми спектаклями большого гражданского звучания. Как вы определяете сегодняшние творческие принципы театра?

Е. Е. Тезис Вахтангова «Сегодня, сейчас, сию минуту» абсолютен для любого современного работника театра. Он требует от нас овладения всеми возможными непосредственного воздействия на зрительный зал. Четкая общественная, гражданская позиция, пристальное внимание к важным проблемам современности, раскрытие индивидуальности, проблема личности, — вот творческие принципы, которые мы проводим. «Всякий отрыв от современности грозит гибелью театру», — говорил Немирович-Данченко. И это предельно верно. Как только театр отрывается от действительных, насущных проблем народной жизни, от подлинного ее знания и постижения, его искусство становится малодейственным, безжизненным, формальным.

Мы стараемся ставить пьесы, отмеченные высокой художественностью, основанные на глубоком знании жизни страны и психологии человека. Современник — главный наш герой. В классическом репертуаре, и прежде всего в драматургии Островского, мы ищем те проблемы, те моральные и эстетические вопросы, которые волнуют нас всех сегодня.

В. У. У коллентива, по-моему, развито чувство ответственности перед зрителем, стремление работать лучше. Думаю, это следствие хорошего творческого начала, выстраивания традиций великих мастеров сцены, видевших свой долг в повседневном служении народу. Но мне хотелось бы поговорить и о традициях театральных: о традиционном и новаторском прочтении прежде всего классического репертуара.

Е. Е. Вахтангову принадлежат слова: «Традиции — это хорошо сохранившийся труп». В этом парадоксе я усматриваю резонный призыв кончать с уже умершим, окостеневшим, кончать со штампами — а их, увы! — так много. Убежден, беда многих театров (особенно провинциальных) в их похуже. А ведь у каждого театра должно быть свое неповторимое лицо; его нужно искать смело, не бояться трудностей. Думаю, имеет право на существование любой эксперимент, если он оправдан идейно и творчески, если есть твердое осознание цели и путей к ней. Эксперимент — основа театра, его стремления по-новому открыть драматурга, найти новые формы, новую театральность, праздничность.

По традиции, мы каждый сезон открываем новой постановкой пьесы Островского. Кишинешцы очень живо принимают эти спектакли. Но на Островского мы смотрим из нашего времени, проявляем в нем то, что нужно, важно сегодня. Ставя, например, «Пучину», мы не очень стремились сближать социальные условия, обусловившие гибель Кисельникова: ведь язык классического капитализма в его русском варианте исследованы и изображены всесторонне. Но вот тема ответственности за свое

судьбу, за судьбу человека, тема непреодоленной слабости духа и воли нас волнует достаточно сильно. И мы поставили спектакль о духовной гибели человека хорошего, но слабого. Тема личной ответственности пронизывает и спектакль «Блажь» (кстати, эта пьеса идет только у нас). И так в каждой пьесе Островского мы ищем точки соприкосновения с нашей жизнью.

В. У. Значит, вы — всегда с Островским?

Е. Е. Если хотите, да. Наш театр поставил почти все пьесы великого драматурга. Наверное, таких театров не очень много в стране. Но живем мы не только Островским. Назову лишь несколько спектаклей последних лет, пользующихся большим успехом: «Соловьяная ночь», «Вера, Надежда, Любовь» («Домик на окраине»), «Дело, которому ты служишь», «Моя сердцевина с тобой», «Солдатская вдова», «А зори здесь тихие...», «Самый последний день». В них воплощены близкий и дорогой нашим зрителям образ современника, его богатый духовный мир, успехи и ошибки, достоинства и слабости, его мировоззрение, нравственные, моральные, эстетические взгляды. Ставим мы и пьесы зарубежных драматургов, находя в них волнующие нас проблемы.

В. У. Вы много работаете с молодыми актерами, в театре практически молодежный коллентив. Я припоминаю вечера «Пока не сыгранная роль» — это очень интересная и перспективная форма проявления творческой активности. Я вижу, с каким интересом и желанием многие артисты работают над этими совершенно неплановыми отрывками. И это — при огромной нагрузке, когда спектакли играют и на основной сцене, и на выезде...

Е. Е. Да ведь в театре нельзя работать «от» и «до», по звонку! Театр требует всего человека, властно поднимая его себе. Мы просто стараемся создать артисту условия для постоянного творчества, для выявления его возможностей. Практически каждому из них гарантированы два-три интересные роли за сезон. Значит, почти не бывает недовольства незанятостью, — появляется стремление к самоотдаче, к самовыражению. А подготовка к нашим творческим вечерам способствует мобилизованности, подтянутости каждого. Ведь это очень важно в наших условиях при предельной нагрузке, при малочисленной труппе и в небольшом городе, где спектакли поневоле котируются быстрее, чем в крупных центрах или тем более в столицах.

В. У. А в будущем у театра — новое здание, новые, значительно лучшие условия...

Е. Е. Не очень-то близко оно, это будущее. Мы видели, как медленно работают строители. И все же мы думаем о завтрашнем дне, готовимся к нему. Надо будет в корне пересматривать сохранившийся репертуар, надо готовить новые спектакли с учетом лучших возможностей, новой сценической техники. В новом здании будет удобно работать коллективу, будет удобно зрителям. Мы бесконечно благодарны за эту заботу и ответим на нее высокоиндустриальными, высокохудожественными спектаклями. Но мы, думаю, не раз еще возвратимся мысленно к нашему бывшему соляному складу, в котором вот уже 75 лет действует театр. Он — памятник культурной, идеологической жизни города.

В. У. Мне остается только пожелать всему коллективу театра имени Островского и лично Вам новых больших и серьезных творческих достижений. Думаю, что все, что прочтет изложение нашей беседы, присоединятся к этим искренним пожеланиям.

Е. Е. Благодарю от имени всего нашего коллектива.

«Рабочий край», г. Иваново, 1974 г. 24/11